

УДК 929 + 612

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1270-2022-3-1-9-15>

Воспоминания о Леоне Абгаровиче Орбели

А. Л. Орбели^{✉1}

¹ Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе Российской академии наук, 194021, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 26

Сведения об авторе

Абгар Леонович Орбели, e-mail: orbeli@mail.ioffe.ru

Для цитирования: Орбели, А. Л. (2022) Воспоминания о Леоне Абгаровиче Орбели. *Интегративная физиология*, т. 3, № 1, с. 9–15. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1270-2022-3-1-9-15>

Получена 9 февраля 2022; прошла рецензирование 9 марта 2022; принята 10 марта 2022.

Права: © А. Л. Орбели (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Краткие воспоминания усыновленного внука о блестящем ученом и общественном деятеле Леоне Абгаровиче Орбели. Лучший ученик и близкий друг И. П. Павлова, академик Л. А. Орбели внес выдающийся вклад в науку и победу страны в Великой Отечественной войне. Среди наиболее ярких достижений школы Орбели, ставшей наиболее авторитетной физиологической научной школой СССР, следует назвать открытие адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы, создание новых представлений о функциях мозжечка, выявление влияния подкорковых центров на функциональное состояние коры головного мозга, вклад в изучение физиологии и патологии высшей нервной деятельности человека, а также многое другое. Школу Л. А. Орбели характеризует редкое долголетие, могучая созидательная сила и высокое прикладное значение для различных отраслей народного хозяйства, включая здравоохранение, сельское хозяйство, военное и водолазное дело, освоение космоса. Л. А. Орбели пользовался широкой популярностью и глубоким уважением в обществе благодаря своему подлинному гуманизму, выраженной гражданской позиции, непреклонности в отстаивании своих убеждений. И по сей день личность Л. А. Орбели остается духовно-нравственным ориентиром, вдохновляющим нынешние и будущие поколения.

Ключевые слова: Л. А. Орбели, академик, история физиологии, история науки, история медицины

Memories of Leon A. Orbeli

A. L. Orbeli^{✉1}

¹ Ioffe Physico-Technical Institute, Russian Academy of Sciences, 26 Politekhnicheskaya Str., Saint Petersburg 194021, Russia

Author

Abgar L. Orbeli, e-mail: orbeli@mail.ioffe.ru

For citation: Orbeli, A. L. (2022) Memories of Leon A. Orbeli. *Integrative Physiology*, vol. 3, no. 1, pp. 9–15. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1270-2022-3-1-9-15>

Received 9 February 2022; reviewed 9 March 2022; accepted 10 March 2022.

Copyright: © A. L. Orbeli (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. This brief article presents memories of Leon A. Orbeli, a brilliant scientist and public figure, shared by his adopted grandson. The best student and close friend of I. P. Pavlov, member of the Academy of Sciences L. A. Orbeli made an outstanding contribution to science and the country's victory in the Great Patriotic War. The most striking achievements of the Orbeli school, which became the most prominent school of thought in Soviet physiological science, include the discovery of the adaptive and trophic role of the sympathetic nervous system, new understanding of the cerebellum's functions, recognition of the influence of subcortical centres on the functional state of the cerebral cortex, contributions to the study of physiology and pathology of human higher nervous activity and many more significant developments. The L. A. Orbeli school is characterised by rare longevity, a powerful creative force and high practical importance for applications in various sectors of the national economy, including health care, agriculture, military, diving and space exploration. L. A. Orbeli enjoyed wide popularity and deep respect in society due to his true humanism, civic activism and conviction in upholding his beliefs. To this day, the personality of L. A. Orbeli remains a spiritual and moral role model that inspires current and future generations.

Keywords: L. A. Orbeli, member of the Academy of Science, history of physiology, history of science, history of medicine

Год 2022-й теми людьми, которые небезразличны к именам братьев Орбели, воспринимается как «юбилейный»: Леону Абгаровичу Орбели было бы 140 лет, Иосифу Абгаровичу Орбели — 135 лет. Для Рубена Абгаровича Орбели и его деятельности он тоже «юбилейный» — 85 лет успешной экспедиции ЭПРОН на Южном Буге (1937 год). Автор искренне благодарен редакции и лично академику Л. П. Филаретовой за внимание к этому тексту и за предложение опубликовать его в уважаемом журнале.

Этот текст был подготовлен к печати в 1983 году на основании статьи автора о Л. А. Орбели, написанной еще в 1960-е годы. За эти 40 лет многое изменилось. Мы жили тогда в другой стране, «на планете другой». Кроме того, сейчас я считаю нужным воспринимать трех братьев Орбели с их индивидуальными достижениями, проблемами и чертами как единую семью, единое целое. Абсолютно уверен, что такое восприятие (с их общими нравственными принципами, трудолюбием, бескорыстностью, демократичностью, толерантностью и гражданским героизмом, смелостью; с их европейской интеллигентностью, широкой эрудицией и готовностью к просветительству) будет поддерживать их символичную популярность и сможет служить примером для формирования личности не только будущих ученых, но и просто Граждан своей страны, какими, безусловно, являлись братья Орбели.

Генерал-полковник медицинской службы, академик Леон Абгарович Орбели в течение многих лет был признанным главой советской физиологической школы. Развивая и внедряя в медицинскую практику теории своего учителя И. П. Павлова, он снискал высочайший авторитет как в нашей стране, так и среди физиологов всего мира. Его работы были высоко оценены советским правительством, удостоившим его Сталинской премии первой степени, звания Героя Социалистического Труда, наградившего четырьмя орденами Ленина и многими другими орденами и медалями. Л. А. Орбели избран действительным членом Парижского биологического общества и Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина».

Среди исключительно важных и признанных фундаментальных достижений его Школы следует назвать выявление адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы (феномен Орбели — Гинецинского), создание нового представления о функции мозжечка как регулятора вегетативных функций организма, исследования взаимодействия афферентных систем, изучение влияния подкорковых центров

на функциональное состояние коры головного мозга, исследование физиологии и патологии высшей нервной деятельности человека, разработку проблемы боли и физиологии анализаторов (Орбели 1961–1968).

Необходимо особо отметить введение в физиологию эволюционного принципа, применение его при изучении всех звеньев нервной системы животных и человека, приведшее к созданию нового направления науки — эволюционной физиологии. Особого внимания это заслуживает еще и потому, что здесь ярко проявляется его приверженность принципам диалектического материализма, которые последовательно применялись им во всей его научной деятельности.

Признанные современной историей науки достижения школы Л. А. Орбели общеизвестны. О них много написано в учебниках и монографиях (Григорьев, Григорьян 2007; Пастухов 2005), и мне не хотелось бы здесь вдаваться в их недостаточно квалифицированные перечисления.

Среди исключительных заслуг Леона Абгаровича нельзя не упомянуть инициирование и организацию первых исследований по изучению влияния на человеческий организм экстремальных условий повышенного и пониженного давления, температур, ускорений, радиации, т. е. начало таких жизненно важных в настоящее время исследований, как, например, космическая медицина, которые занимают сейчас почетное и важнейшее место среди разделов практической медицины.

Леон Абгарович вел грандиозную научно-организаторскую работу, являясь вице-президентом АН СССР, академиком-секретарем Отделения биологических наук, начальником Военно-медицинской академии, директором нескольких ведущих физиологических институтов и лабораторий в Ленинграде и Москве.

Перечисленного было бы вполне достаточно для понимания того значительного места, которое имя Леона Абгаровича занимает в истории отечественной и мировой физиологии и медицины, однако в историю науки, в память ученых как его поколения, так и последующих, Орбели вошел не только как выдающийся физиолог и организатор науки. Орбели — это символ исключительно высокой научной правдивости, принципиальности, символ несгибаемой твердости духа, смелости, выносливости, в сочетании с редкостной отеческой добротой, отзывчивостью по отношению к широчайшей массе людей.

Возможно, для кого-то покажется странным упоминание о том, что для ученого столь

значительными являются честность, принципиальность, стойкость духа. Однако я надеюсь, что это не требует специальных комментариев. Те люди, которые сами занимаются наукой, знают это хорошо, а те, которые не занимаются, достаточно хорошо знакомы с ее историей и ходом развития. Успех и значение любой науки зависит от силы и высоких моральных принципов тех людей, чьими руками она делается.

Тут же надо сказать о том исключительном общественном признании, которым пользовался Леон Абгарович не только из-за своих высоких должностей, а благодаря редкостной доброжелательности, отзывчивости, готовности помочь, поддержать... Постоянная вереница посетителей, ожидавших его как в должностных кабинетах, так и дома, сотни телефонных звонков, писем, обращенных к нему с просьбами и вопросами в разные периоды его жизни (когда он более или менее легко мог выполнять их и когда не мог, но тем не менее выполнял), и немислимая толпа народа, собиравшаяся в Большом конференц-зале Академии наук и около него на Университетской набережной, толпа людей, пришедших в декабре 1958 года проститься с ним, являются свидетельством того.

В этом смысле нельзя говорить только о Леоне Абгаровиче, не вспомнив о его замечательных братьях — старшем Рубене и младшем Иосифе. Эта семья, эти три брата могут претендовать на то, чтобы их рассматривать не как отдельных выдающихся ученых, а как некое социальное явление, оказавшее заметное влияние на жизнь целого поколения людей. Не случайно поэтому, что имя Орбели увековечено не только в названиях улиц, учреждений, не только в памятниках и портретах, но в памяти народа, памяти, передающейся как легенда из поколения в поколение. Как же это случилось? Как произошло, что три сына, родившиеся в скромной интеллигентной армянской семье, заняли столь значительное место в истории не только армянского и русского народа, но и в истории всей страны?

Мне хочется в этом коротком очерке постараться изложить мысли о корнях, о происхождении и становлении этого редкого социального явления. Если вернуться к образу Леона Абгаровича, то самой первой фигурой, определяющей развитие его личности, был отец. Про него Леон Абгарович рассказывал не очень много. Очень популярный в народе судья, работавший в различных районах Армении и Грузии (с чем связаны переселения семьи в последние годы в Тбилиси, где дети учились

в гимназии) был очень занятым человеком. Я не помню каких-либо рассказов о его играх, о занятиях с детьми. Однако высочайший авторитет, граничивший с «культом» в глазах мальчиков, был связан с тем уважением, которым пользовался Абгар Иосифович со стороны самых широких слоев населения, благодаря исключительной принципиальности, бескорыстности и доступности.

Другой значительной фигурой, повлиявшей на становление мировоззрения и личности Леона Абгаровича, был его учитель — Иван Петрович Павлов. Нобелевский лауреат, создатель современной физиологии, он был человеком очень сложным, неровным, вспыльчивым. Работа под его руководством и совместно с ним подчас была непростой, но высочайшая требовательность к себе и своим сотрудникам, исключительная щепетильность в отношении достоверности научных результатов, правдивость и принципиальность, граничившая с невежливостью, безусловно, повлияли на становление той высокой научной и гражданской принципиальности Леона Абгаровича, которая стала легендой и во многом определила его авторитет и общественное положение.

Мать Леона Абгаровича Варвара Моисеевна (дочь князя Аргутинского-Долгорукова), под чьим постоянным вниманием прошли детские и гимназические годы братьев Орбели, имела весьма демократические взгляды и своей постоянной заботой об окружающих заложила корни того гуманизма, который стал впоследствии столь сильной чертой в характере братьев. В большом доме на Бейбутовской, где фасадную часть здания занимала семья Абгара Иосифовича, в боковой части жило семейство его кучера Аршака. Когда собственные дети, окончив гимназию, переселились в Петербург, Варвара Моисеевна очень много времени и внимания уделяла дочерям Аршака, занималась с одной из них музыкой, развив дарование девочки настолько, что та впоследствии стала известной пианисткой.

Леон Абгарович окончил Военно-медицинскую академию в 1904 году. Начало его научной работы и первые его самостоятельные шаги в жизни относятся к тому замечательному, героическому периоду в жизни нашей страны, когда не было места безразличию, равнодушию и аполитичности, когда жизнь страны была личным делом каждого. Подчеркнутая гражданская ответственность и исключительно высокое политическое сознание, зародившееся в те исторические годы, стали потом отличительными чертами Орбели-ученого, Орбели-

руководителя, приведшие его к заслуженно высокому авторитету как среди коллег (во всем мире), так и среди государственных деятелей в нашей стране, и позволившие ему (беспартийному) занять столь ответственные руководящие должности, как начальник Военно-медицинской академии и вице-президент Академии наук.

Упоминание о высоком должностном положении Леона Абгаровича чрезвычайно важно здесь совсем не для того, чтобы этим объяснить исключительную его популярность, скорее наоборот. Жизнь Леона Абгаровича далеко не всегда была так благополучна, как это может показаться при чтении официальной биографии.

В 1949 году умерла горячо любимая его единственная дочь.

В 1949 году Л. А. Орбели не поддержал развернутую в стране (санкционированную «свыше») антигенетическую кампанию, остался верен павловским традициям правдивости и бескомпромиссности в науке. Он твердо стоял на позициях своего учителя, установившего бюст великого основателя современной генетики — Менделя — в Колтушах, непосредственно перед зданием лаборатории (ставшим впоследствии известным как «старая лаборатория»), и начертанного на стене лаборатории прямо над бюстом вошедшие в историю науки слова «Экспериментальная генетика высшей нервной деятельности».

Занявший принципиальную, павловскую позицию в период антигенетической кампании (Лейбсон 1990), Орбели вызвал сначала скрытое, а вскоре и вполне явное недовольство официальных руководителей науки (и государства). Его независимое мнение и высочайший авторитет в самых широких кругах научной общественности привели к тому, что в 1950 году была организована и широко развернута очередная государственная кампания — антиорбелевская, начавшаяся с так называемой объединенной сессии двух (АН СССР и АМН СССР) академий и превратившаяся по сути дела в антифизиологическую, т. к. она под видом борьбы с «идеализмом» и «искажениями в павловском учении» фактически привела к остановке, задержке и, в конечном результате, к значительному отставанию самых актуальных для развития физиологии направлений.

Бывший «глава советской физиологии» был обвинен «в семи смертных грехах» и признан «идеалистом» (тогда это слово, противопоставленное материалисту, означало противопоставление марксизму) и почти что «врагом народа», был отстранен не только от всех занимаемых им должностей, но практически потерял возможность вести научную работу. Индивидуаль-

ная группа академика Орбели при Естественно-научном институте им. П. Ф. Лесгафта, организованная после его обращения в Президиум АН в 1951 году, состояла из восьми человек. Какую силу и твердость духа надо было иметь, чтобы после всего этого не только сохранить жизнь, здоровье, высоко поднятую голову, веру в свою правоту, но и продолжать работать!.. Работает Леон Абгарович в это время чуть ли не больше, чем раньше. Для устранения сомнений в правильности понимания марксистско-ленинской философии штудируются десятки томов основоположников материализма, и как результат в течение года создается замечательная (совершенно необычная для Орбели по стилю) философская работа «Об объективном и субъективном».

Думая об источниках этой необыкновенной силы духа, я могу найти ей объяснение только в обостренном чувстве ответственности перед окружающими, чувстве необходимости («выдерживать ради других»). Кроме безусловного сознания своей правоты, правоты своего дела, его поддерживала ответственность перед собственным авторитетом. Ему верили люди, на него смотрели ученики, и он должен был выдерживать. Это можно сравнить только со стойкостью идущих на казнь борцов за правду, за идею, да и то, возможно, им было легче, так как за казнь, за смертью — уход, облегчение, отдых. Здесь же нужно было жить, работать и твердостью своей жизни доказать свою правоту, оправдать человеческую веру в него, в справедливость своего авторитета. Он знал, что нужен окружающим его более слабым людям, знал, что еще может быть им полезен, а значит — должен выдерживать.

Эту силу добра, силу веры в необходимость добра я сейчас могу назвать религией. Внук известного священника, Леон Абгарович всю жизнь исповедовал принципы, присущие христианской морали, нашел свою современную материалистическую основу для поддержания своих духовных и физических сил в чувстве необходимости добра, в сознании полезности и нужности людям.

Интересно его собственное высказывание на эту тему. Он выжил, выдержал, дожил до «снятия осады», до «оттепели», до создания Института эволюционной физиологии им. И. М. Сеченова (правда, не до завершения строительства на Старо-Парголовском проспекте). Выступая в 1957 году во время чествования его в связи с 75-летним юбилеем, он говорил, что «родился в рубашке, что ему с самого детства, всю жизнь везло...». В чем же он видел это постоянное

везение? «Прежде всего родители, которые были действительно замечательными и дали много..., братья, без контакта с которыми в течение всей жизни не было бы..., гимназия (учителя, привившие...). ВМА, приведшая его к И. П. Павлову; сам Павлов как центральная фигура, определившая не только научные, но и моральные принципы. Жена, которая столько лет (кстати, в 1958 году была золотая свадьба) была надежной опорой... Ученики и сотрудники (мне о них хочется сказать отдельно, чуть позже); государство (партия и правительство) (он придавал этому очень большое значение) — все замечательно, но в чем же главное счастье?» «В том, что на протяжении всей своей жизни я довольно часто и много имел возможности делать людям добро». Заметьте: «возможность»! Чем больше времени проходит с тех пор, как я услышал эти слова, тем значительнее они для меня становятся. Подумайте, какая потребность в добре должна быть у человека, если возможность его делать составляет основное счастье жизни!

То, что я написал пока, — это не воспоминания, это рассуждения на тему о...

А воспоминания? У меня ли им не быть? Я вырос у него на руках. С самого рождения жил вместе, а после смерти матери, в 10-летнем возрасте, был им даже усыновлен. Это мой дед и отец не только по документам, а по самой жизни. Но я не умею и не очень хочу писать воспоминания. Когда пришел, что сказал, как посмотрел, что пил, что ел, что любил...

Основные воспоминания — это много, много людей. Люди, окружающие человека, — это часть его самого. У Леона Абгаровича таких частей было много. Постоянная любовь, забота и уважение Леона Абгаровича ко всем к ним определили и мою любовь, мои теплые чувства и добрую память о тех, кого сейчас уже нет. Боюсь, что трудно, да и неправильно было бы говорить, кто был Леону Абгаровичу ближе, дороже, кого больше любил. Он был очень открытый, очень простой человек. Ко всем умел найти свой подход (нет, не «умел» — находил — это было само собой, естественно), свой язык. Разговаривать с ним, общаться, даже молчать вместе всегда было очень приятно (видимо, для всех), и он сам находил большое удовольствие в общении с разными людьми, и к каждому у него была своя любовь, основанная на уважении и понимании.

Первый и самый близкий — это, конечно, любимый младший брат Иосиф Абгарович, переживший Леона Абгаровича на несколько лет, перенявший из его рук эстафету удовлет-

ворять мою потребность в общении. Видимо, только ему открывал Леон Абгарович самые сокровенные мысли, самые сложные и опасные внутренние сомнения. В тяжелые пятидесятые годы (для Юси, И. А. Орбели, они тоже были тяжелыми) стали регулярными комаровские прогулки. Многие жившие тогда в академическом поселке помнят, как медленно, то и дело останавливаясь, идут два брата прямо по улице (почему-то они любили гулять не по своим достаточно большим участкам, а по дороге, якобы провожая друг друга), заложив руки за спину. Юся с неизменной папиросой или в то время полюбившимися ему четками; идут тихо и даже не всегда говорят.

Друг номер два — сотрудники, такой замечательный «коллектив». Видимо, это слово совершенно не годится. Я бы сказал, что это был «ансамбль солистов». Каждый сам по себе, со своей яркой индивидуальностью, не походит на другого, каждый чем-то дорогой и нужный. Мне сейчас кажется, что и общаться-то со всеми Леон Абгарович любил по одному. Тогда удавалось открыть и глубже все понять и почувствовать. Трудно перечислять. Страшно не назвать кого-нибудь, обидеть.

Анна Васильевна Тонких — самый надежный сотрудник, но трудный абсолютной бескомпромиссностью, резкостью суждений.

Надежда Исаевна Михельсон — самый близкий, видимо, тоньше и глубже других помощник. Ее долгая тяжелая болезнь была собственной болезнью Леона Абгаровича. Смерть ее была для него большим горем.

Александр Григорьевич Гинецинский, Арарат Мартынович Алексанян — верные ученики, основавшие собственные школы, существование которых в тяжелые годы было большой моральной поддержкой.

Федор Романович Дунаевский — тихий, мудрый человек, попавший в физиологию случайно, но исключительно честный, верный и надежный друг, помощь и поддержка которого часто оказывались полезны не только самому Леону Абгаровичу, но и всему коллективу.

Евгений Александрович Моисеев — рафинированный аристократ, меломан, человек высочайшей культуры и безукоризненной грамотности. Его эрудиция была, видимо, шире, чем у самого Леона Абгаровича, и их длинные беседы доставляли нескрываемое удовольствие обоим.

Зоя Ивановна Барбашова и Алексей Валентинович Войно-Ясенецкий, очень разные (она искрящаяся энергией, оптимизмом с налетом чего-то цыганского, он строгий, всегда уравновешенный...), были любимыми сотрудниками

Леона Абгаровича из последней (послевоенной) плеяды, близкими друзьями дома, и наиболее героически проявили себя в тяжелые 1950-е годы. Оба, не думая о себе, самоотверженно боролись за правое дело своего Учителя.

Несправедливо было бы упоминать только ученых, когда самым главным, самым нужным помощником всегда, когда надо, днем и вечером, была милая, родная Гаяна Павловна Цуринова, отдавшая всю себя, все свои силы, здоровье ему, его делу, а после его смерти — его биографии вместе с Львом Германовичем Лейбсоном, создавшим единственную строго документальную и очень верную по духу книгу (Лейбсон 1990), которая в силу второстепенных обстоятельств, к сожалению, не переиздается.

А шоферы! Павел Алексеевич Черемшанов и Леша Буров — это же члены нашей семьи, без них воспоминания о жизни нашего дома были бы просто неверны.

Общение — это не только кабинетные беседы или прогулки один на один, совещания, когда собирались все; это и застолья. Разницы между беседой в кабинете и за столом никогда не было. Та же непринужденность, те же шутки, анекдоты, порой добродушные, порой безжалостные. Чувство юмора — неперемное условие для вступления в Орбелевский коллектив, в наш дом. Наиболее полно, наиболее лирично Леон Абгарович раскрывался в Москве. Там, в доме номер 25 по улице Чайковского, у Леона Абгаровича была квартира. Небольшая двухкомнатная квартира на 5-м этаже с балкончиком, выходящим во двор американского посольства (сначала на пустырь — посольство строили у нас на глазах; потом во дворе появились гараж и детская площадка). Эта квартира занимала совершенно особое, значительное место в душе, в сердце Леона Абгаровича. Необходимость часто ездить в Москву, т. е. счастье появления там хозяина, и исключительно тактичная, но неустанная забота замечательной «надзирательницы» Веры Яковлевны Костыговой привели к тому, что атмосфера там была совершенно жилая, несмотря на то что жили мы все-таки в основном в Ленинграде. Это глубокое лирическое отношение к московской квартире является интересной характеристикой Леона Абгаровича. Квартира на его языке называлась «раек». Он хозяйничал там сам. Ужасно это любил, никому не позволял помогать. Время от времени, когда у самого Леона Абгаровича не хватало времени на продуктивно-хозяйственные покупки (хотя делать их он тоже очень любил), давались поручения московскому шоферу — Дмитрию Прохоровичу Антонову

(который, как и Павел Алексеевич, являлся членом семьи), и тогда основными домашними наслаждениями для Леона Абгаровича были ванна, приготовление еды (готовить любил и умел очень хорошо), прием немногочисленных постоянных гостей. Эти вечера в московской квартирке — целая глава в жизни Леона Абгаровича. Как хорошо там было, как дружно, уютно, по-человечески тепло! «Раек» просуществовал недолго (1940–1952 гг.), но захватил замечательно важный и интересный период жизни Леона Абгаровича.

Во все времена, тяжелые и радостные, вечерние визиты близких друзей поддерживали, укрепляли, давали необходимую зарядку бодрости. Кто же входил в этот замечательный узкий московский кружок? Первым делом, конечно, Вера Владимировна Беленицкая, постоянный верный помощник во всех делах, постоянный референт Леона Абгаровича в Москве, ставшая не просто «родственником» и давшая Леону Абгаровичу больше, чем любой из нас.

«Маленький генерал» Гавриил Васильевич Крайванов (генерал-майор в доме генерал-полковника). Это название сохранилось за ним. Он не обижался. Леон Абгарович очень любил его. Очень радовался его приходу. Ждал, звонил, звал.

Вера Георгиевна Самсонова и Люся Ивановна Мкртычева. Я их почему-то по тем временам встречал всегда вместе. Обе смеющиеся, остроумные, веселые, вносящие много шума и оптимизма в жизнь «райка». Иногда Татьяна Николаевна Несмеянова, более серьезная, но не менее любимая, и реже Наталья Марковна Шамарина.

Это замечательный коллектив. Я помню, как нужно было Леону Абгаровичу общение с ними. Как его поддерживало это. Как было ему тяжело, когда не стало «райка».

1941–1945 гг., война, Леон Абгарович в непрерывных поездках: Балаклава (где идут испытания), Казань (где в эвакуации находится семья и продолжается работа Физиологического института), Ленинград (где, несмотря на блокаду, в ВМА продолжается оборонная работа), Президиум АН в Москве (В. Л. Комаров), Управление тыла (И. Х. Баграмян), ГВМУ (Е. И. Смирнов).

1945–1950 гг. Небывалый послевоенный размах работ. Не знаю, как оценит это время истории физиологии, но думаю, что в развитии науки это должен быть значительный этап.

1950–1952 гг. Тяжелые времена. Поездки в Москву стали редкими настолько, что в 1952 году Леон Абгарович решает отказаться от квартиры.

Можно ли говорить о «хобби» Леона Абгаровича? Прежде всего, это не нарды, не музыка, не садоводство, а люди. Нарды действительно любил, но думаю, что как занятие автоматическое, избавляющее от лишних вопросов и позволяющее уйти в себя и молча подумать. Людей, общение с ними он любил больше всего на свете, жить без этого не мог. Будучи тяжело больным в 1957–1958 годах, обязательно требовал, чтобы пускали к нему. Очень любил беседы с Михаилом Павловичем и Александром Павловичем Бресткиными, Всеволодом Ивановичем Медведевым, Евгением Александровичем Моисеевым. Они, такие разные, были одинаково полезны ему, как лекарство, как кислород.

Музыку Леон Абгарович любил как-то особенно, по-своему. В детстве учился играть на флейте, но неудачно. Ходить на концерты не любил (думаю, что мешали люди, окружающие). Радио и пластинки — видимо, то, что было нужно, но всегда некогда было. Приходил ко мне в комнату, садился (симфония Моцарта, сольминор), но что-то всегда мешает, телефон или визитеры или просто необходимость что-то прочесть. Кстати, в последние годы (до 1956 года) выработался интересный ритм жизни.

Часов в 12 ночи все ложились спать, и Леон Абгарович тоже. Часа в 2 ночи он вставал и работал. Читал и писал часов до 5. Никто не мешает. А потом ложился снова и спал долго, вставал не раньше 9, а то и в 10 часов утра.

«Садоводство» — это значит не трогать лес, дать ему расти, как он хочет. Только где-то расчистить от сушняка, где-то зарыть канавку... любил иван-чай...

Основное, что сейчас можно сказать о Леоне Абгаровиче, — это был очень нужный всем человек. И сейчас я твердо знаю, что не только мне, а всем, кто его знал, его очень и очень недостает. И единственное, что остается как помощь, как поддержка, как очищение и как стимул, — это обращение к его светлой памяти.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Григорьев, А. И., Григорьян, Н. А. (2007) *Научная школа академика Леона Абгаровича Орбели*. М.: Наука, 378 с.
- Лейбсон, Л. Г. (1990) *Академик Леон Абгарович Орбели. Неопубликованные главы биографии*. Л.: Наука, 188 с.
- Орбели, А. Л. (1961–1968) *Избранные труды: в 5 т.* М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Пастухов, В. А. (2005) *Академик Л. А. Орбели в Павловских Колтушах*. СПб.: Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, 144 с.

References

- Grigorev, A. I., Grigoryan, N. A. (2007) *Nauchnaya shkola akademika Leona Abgarovicha Orbeli [Academic School of Academician Leon Abgarovich Orbeli]*. Moscow: Nauka Publ., 378 p. (In Russian)
- Lejbson, L. G. (1990) *Akademik Leon Abgarovich Orbeli. Neopublikovannye glavy biografii [Academician Leon Abgarovich Orbeli. Unpublished biography chapters]*. Leningrad: Nauka Publ., 188 p. (In Russian)
- Orbeli, L. A. (1961–1968) *Isbrannnye trudy: v 5 t. [Selected works: In 5 vols.]*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian)
- Pastukhov, V. A. (2005) *Akademik L. A. Orbeli v Pavlovskikh Koltushakh [Academician L. A. Orbeli in Pavlovsky Koltushi]*. Saint Petersburg: Pavlov Institute of Physiology of Russian Academy of Sciences Publ., 144 p. (In Russian)